

П.С. Блеса Аледо (Испания)
З. Гасимов (Германия)

ЕС И РОССИЯ: ПАРТНЕРЫ ПО НЕОБХОДИМОСТИ

1. Введение. Окончание холодной войны вызвало процессы дезинтеграции в авторитарной и коммунистической Восточной Европе и большей интеграции в демократической и капиталистической Западной Европе. Сейчас, когда пыль всемирной геополитической конфронтации между Западом и Востоком осела, мы видим на Западе устойчивое развитие союза государств, которые решают большинство проблем экономической интеграции, последовательно выстраивают политическое единство, понятную всем общую внешнюю политику и политику безопасности с общей для всех целью – собрать воедино силы наций, с тем чтобы постепенно усилить их влияние на мировую политику и заставить говорить в унисон; на Востоке же мы наблюдаем усилия наследника Советского Союза, России, направленные на преодоление центробежных сил региональных национализмов, создание основ экономического развития, восприятие императивов демократической культуры и формирование нового евразийского мировоззрения.

Оба эти процесса, связанные с самоопределением, самоутверждением и преодолением своего прошлого, имеют много общего: они развиваются одновременно, пересекаются географически, имеют одни и те же цели, основаны на общих стратегиях и оставляют открытым вопрос, станут ли Россия и ЕС мировыми или останутся региональными державами. Европа, без сомнения, обладает экономической мощью, однако является карликом в военном отношении; Россия же, наоборот, – экономическим карликом, однако мощной военной державой с огромным экономическим потенциалом.

Европа стремится дополнить свою экономическую мощь дипломатическим влиянием и набором военных инструментов; она достигает своих политических целей, не бросая вызова США и стараясь не создавать ложного впечатления у своих соседей. Россия стремится перейти от регионального статуса к глобальному, развиваясь экономически, однако сохранение ее вооружения и дипломатического влияния требует от нее стать членом клуба мировых держав. В отличие от ЕС Россия, судя по всему, не стесняется использовать силу в качестве инструмента восстановления своего статуса сверхдержавы.

Проблема заключается в следующем: являются ли желания России и ЕС как независимых мировых держав взаимно дополняющими или конфликтующими в долгосрочной перспективе; будут ли они партнерами или врагами, обладая – сейчас уже – общими границами. Для ответа на эти вопросы Россия и Европа должны уяснить для себя, чем они являются, как они могут обрести большее влияние, с какими угрозами они сталкиваются и имеется ли смысл создавать Европу «от Атлантики до Урала».

2.1. Преодоление слабости. ЕС: от рынка к политике. Создав юридические и институциональные рамки для будущего расширения, в последние пять лет ЕС постоянно развивался в соответствии с такими документами, как «European Capabilities Action Plan», «Capabilities Development Mechanism» и «European Defense Agency»; ЕС последовательно достиг практического согласия с НАТО, заложив основы для стратегического партнерства на основе соглашений «Berlin Plus»; и завершил несколько

операций, связанных с кризисным управлением в Европе и за ее пределами, используя при этом иногда возможности НАТО.

Эти три момента плюс трансформация внешнеполитических акций ЕС, определенная Европейской конвенцией в 2004 г., обобщенная в Европейской конституции в 2005 г. и вновь утвержденная в Берлине во время подписания нового «мини-договора», который заменил провалившуюся конституцию, являются показателем того, что европейские страны серьезно настроены на исполнение своей миссии, прописанной еще в 1992 г. в Маастрихтском договоре, статье J.4, о превращении ЕС в более взаимосвязанного, динамического и действительного политического актора на мировой арене. Тем не менее, как утверждают С. Эвертс и Д. Кеохэйн, эти успехи весьма невелики «без общего понимания государствами-членами ЕС того, что необходимо достигнуть, какие инструменты использовать, какие стратегии применять и какую цену они готовы за это заплатить»¹. Подобный вакуум и отсутствие стратегического видения будут восполнены – и радикально, и неожиданно – созданием «Стратегии безопасности Европейского союза» (СБ ЕС), имеющей свежие шрамы после вторжения в Ирак.

СБ ЕС является центральным элементом в развитии политики общей безопасности и обороны Европейского союза. Без общего видения стратегического ландшафта процесс формирования возможностей, институтов и права, столь хорошо представленный как в рамках, так и вне Конституции ЕС, является бессмысленным. Несмотря на это, в течение 50 лет процесс европейской интеграции прогрессировал без внешних помех, и при этом никто не вспоминал об общей концепции, в которой бы четко формулировались проблемы европейской безопасности и способы их решения. Хотя верно и то, что в критические моменты «холодной войны», соответствующей обоюдным интересам США и СССР и движимой их успехами, что препятствовало развитию Европейской политической кооперации (ЕПК) и содействовало инструментальному становлению Восточно-Европейского союза (ВЕС), европейские державы сформулировали множество версий некоего подобия общей стратегической концепции, отражающей интересы их безопасности. В 1987 г. Гагская платформа была взята за основу для подобного рода документа, включая официальную декларацию, разработанную ВЕС и приложенную к Маастрихтскому договору, что стало вкладом в работу Межправительственной конференции, разработавшей Амстердамский договор.

Быстрая и показательная эволюция ЕС в решении вопросов обороны со времен Амстердамского договора и «революционный» скачок со времен Договора в Ницце наряду с новой стратегической ситуацией, возникшей под воздействием событий 11 сентября 2001 г. и последовавшей за ними американской реакцией, привели к формированию нового доктринального корпуса по типу «европейской системы координат на карте угроз мировой безопасности»², которая гарантировала эффективность системы европейской безопасности уже в новых условиях. Для более последовательной и понятной внешней политики, включая политику безопасности и обороны, требовался уже обновленный стратегический концепт.

Для одних аналитиков СБ ЕС имела своей целью ответить «новой Америке», появившейся после 11 сентября 2001 г., как в конструктивном, так и в критическом ключе. Как мудро заметил Э. Ремакль, текст в некоторых параграфах отражает «мессианскую и нравоучительную проповедь, свойственную, скорее, Вашингтону,

чем Брюсселю»³. Для других целью СБ ЕС была политическая активизация и стимуляция нейтральных и пацифистски настроенных стран ЕС к восприятию новых вызовов европейской безопасности более серьезно. Для третьей группы экспертов СБ ЕС «говорила о желании ЕС развивать более агрессивную внешнюю политику» (С. Эвертс и Д. Кеохэйн). Четвертая группа считала, что СБ ЕС заполняет европейский вакуум и претендует лишь на то, чтобы, как отмечает А. Сорроса, «положить хорошее начало в деле заполнения вакуума, образовавшегося в результате отсутствия Европейской стратегической концепции и общего согласия относительно принудительного применения европейской мощи, включая направленность этого применения»⁴.

Все эти аналитики правы по-своему, однако почему в данной «Стратегии» отсутствует «дорожная карта», которая бы позволила объединить наши усилия с Россией? Угрозы для ЕС – это угрозы и для России, поскольку оба образования имеют общий ландшафт с небольшими географическими особенностями. В то время как рациональное стратегическое мышление «старой Европы» воспринимает эту реальность вполне адекватно, часть российской элиты в некоторых аспектах «восстановления отношений» излишне эмоциональна и до сих пор не осознает общности угроз для обоих полюсов Евразии – ЕС и Российской Федерации.

2.2. Россия: от политики к рынку. Если ЕС тщательно исследовал и решительно изменял свою внешнюю политику в течение пяти лет, с тем чтобы более оперативно реагировать, присутствовать и решительно участвовать в международных делах, в которых он заинтересован, то и в России такого рода изменения были не менее динамичными и заметными.

Ключевые понятия, которые чаще всего используются для описания нынешней внешней политики и политики безопасности РФ, – институциональная специфика, идеологическая сущность и выбор приоритетов, основанный на осознаваемых национальных интересах. Выдающаяся роль президента России могла бы быть воспринята в понятии «институционализма» российской дипломатии. Представляется очевидным, что его влияние велико не только в установлении отношений с внешним миром, но и в осмыслении угроз. Может быть проанализировано и влияние различных групп интересов, составляющих российский истеблишмент, на внешнюю политику: ее идеологические основы определяются военными, старой советской элитой и либеральными интеллектуалами. Приоритеты – или, как говорят в России, «векторы» – внешней политики часто опосредованы результатами нынешнего экономического и другого развития. Построение отношений с Западом и Востоком сопровождается риторикой «национальных интересов» и по-прежнему обуславливается процессами национального и государственного строительства.

Огромное влияние на трансформацию основных направлений внешней политики оказывает Владимир Путин. Сегодня можно говорить и о «дипломатии Путина», в которой сочетаются интересы таких властных групп в рамках государства, как военная промышленность, мыслящая идеалами нации часть интеллигенции и широкие массы населения, которые в значительной степени разочарованы процессами трансформации. Внешняя политика современной России как комплекс мер, реализуемых различными институтами, является продолжением политики советской и постсоветской России; она может быть проанализирована в контексте процессов, происходящих как внутри, так и за пределами страны. Внутренние импульсы в направлении демократизации, вызван-

ные идеологией «Нового мышления» М. Горбачева в 1985 г., национально-освободительное движение в прибалтийских странах, Украине, Молдавии и на Южном Кавказе, распад Варшавского блока и особенно глубочайший кризис коммунистической идеологии стали главными причинами гибели СССР. Распад огромной советской империи до сих пор воспринимается многими россиянами как самая большая трагедия в их истории.

После своей «либерально-демократической и одновременно антикоммунистической революции»⁵ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Россия потеряла не только своих сателлитов в Восточной Европе, но и четырнадцать бывших советских республик, которые стали суверенными государствами. Процессы 1989-1991 гг. характеризовались появлением новых границ, «новых» соседей, уменьшением размеров самой большой страны мира и идеологической катастрофой.

Сигналы, шедшие «извне», не могли способствовать рациональному восприятию новой реальности ни со стороны российской элиты, которая по-прежнему оставалась «старой советской гвардией», ни со стороны стремительно формирующегося гражданского общества, способного подкорректировать внешнюю политику, а в будущем постараться ее и демократизировать. Экономический крах лишь усилил психологическую, идеологическую и материальную травму российского населения. Россия не рассматривалась ни на Западе, ни на Востоке как страна, которая спасла мир от ядерной конфронтации: уменьшенная в своих границах, она оказалась изолированной. Сложные отношения с Восточной Европой были результатом стремления последней вступить в НАТО, – примкнуть к сопернику бывшего Советского Союза, – в конце 1990-х. Постаравшись обеспечить континуитет на бывшей советской территории, Москва инициировала создание Содружества Независимых Государств (СНГ), которое включало в себя все бывшие советские республики, кроме Эстонии, Латвии и Литвы, оставшихся верными однажды избранному ими пути полной интеграции в институты европейской безопасности. СНГ должно было заменить Советский Союз в экономическом и культурном плане. Российский историк Анатолий Уткин отмечает в связи с этим, что «раскол» 1991 г. никогда не признавался в России как естественный процесс, одной из причин этому послужило то обстоятельство, что многие этнические русские во вновь образовавшихся государствах оказались отрезанными от России как исторической родины⁶.

2.2.1. Российские модели безопасности: общий обзор. Как Россия должна выстраивать сотрудничество в сфере безопасности с внешним миром и особенно с Европой, когда оба полюса находятся в стадии «движения», – Россия стала меньше, а Европа больше? Вопрос об идеологической квинтэссенции тесно связан с вопросом о приоритетах во внешней политике; он каждый раз обостряется, когда изменяется государственное руководство. Дискуссия о приоритетах во внешней политике России охватывает и проблемы основополагающих моделей государства, поддерживаемых основной массой населения. В данном случае можно говорить и о континуитете в основных дискуссиях относительно того, как вообще в России понимается государственная безопасность. Россия считает себя «центром силы», и данное самоощущение имеет все шансы сохраниться и в ближайшем будущем. Воспринимаемая как сила во внешнем мире и внутри практически абсолютным большинством

населения, Россия ставит вопрос о природе и «масштабах» своей силы как на региональном, так и на международном уровне.

Восстав из руин Советского Союза, бывшей сверхдержавы, Россия как его законный преемник и ядро сразу же взяла на себя огромные обязательства, в том числе на международной арене, стремясь вернуть утраченные позиции и уважение. Не обладая многими ресурсами «старой империи», экономически ослабленная, Россия находится сегодня в поиске своей идентичности в системе международных отношений. Отсюда все факторы, упомянутые выше, оказывают свое влияние на нынешний внешнеполитический дискурс России и обуславливают общий мировоззренческий подход государства.

Хорошо известный российско-американский политический теоретик Андрей Цыганков, анализируя изменения в российской внешней политике, произошедшие во время президентства В. Путина, выделяет в российском истеблишменте в целом четыре школы мысли⁷. Так называемые «интеграционисты» типа М. Горбачева стараются продвигать идею о прозападной ориентации и выступают сторонниками быстрой демократизации и создания альянса с евро-атлантическим сообществом. Неоимпериалистический подход, представленный в основе своей коммунистическими и националистическими кругами, борющимися за восстановление баланса в духе бывшей сверхдержавы, утраченного после распада Советского Союза, Цыганков описывает как маргинальный. Две остальные школы являются более дивергентными и, судя по всему, оказывают серьезное влияние на истеблишмент государства. «Сторонники балансов» – такие как бывший министр иностранных дел и премьер-министр Евгений Примаков – стремятся уравновесить Запад посредством превращения России в независимый полюс силы в многополярном мире. К четвертой группе принадлежит В. Путин; эта группа – сторонники общей нормализации и превращения России в великую державу как ее результат. Данный подход заключается в экономическом и военном восстановлении России, которая должна играть важную роль и в международной политике. От позиции Примакова с его приоритетами эту философию отличает серьезное внимание к экономическому фактору, что в целом и превращает идею нормализации в теорию, поддерживаемую нынешними российскими властями⁸.

Стараясь развивать экономику страны, администрация В. Путина, по-видимому, была заинтересована в близких отношениях с ключевыми игроками на Западе. Кооперируясь с Германией в основном в сфере энергетики и поддержав США в войне против терроризма, Россия стала активным игроком на поле «ближнего зарубежья» – на бывшей территории Советского Союза, за исключением Украины, Грузии и Азербайджана, Россия смогла аккумулировать силовые ресурсы и создать ситуацию, благоприятную для реализации своих интересов в Центральной Азии, и обеспечивать в этом регионе безопасность и защиту границ. Теоретическая модель, представленная А. Цыганковым, основывается на процессах⁹, происходящих на постсоветском пространстве в последние годы.

Запад никогда не рассматривался в России как единый организм. Это подтверждается попытками некоторых политических кругов играть на противоречиях между США и Европой. Эта группа политиков отказывается признавать участие евро-атлантического союза в решении таких вопросов крайней важности, как безопасность и оборона, и в российско-американской противостоянии старается привлечь Европу на сторону Москвы. Эта часть российской элиты чувствует себя ближе к Европе, чем к Америке,

что является логическим переосмыслением традиционных исторических связей между Россией и европейским континентом. Риторика прав человека и критика из Брюсселя и Страсбурга служит предлогом для неприятия «уникальной» Россией Запада как неспособного понять российские реалии. Все это отражается и на внешней политике России, которая часто разрывается между европейской, в целом прозападной и «альтернативной» им ориентациями.

2.2.2. Евразийство как «лекарство» России. Что для Москвы может быть альтернативой Западу? Россия оглядывается назад, на древнюю традицию близких отношений со своими соседями – Китаем, Индией и исламскими государствами в Центральной Азии (Туркменистан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан), которые появились после распада СССР и по-прежнему нуждаются в российском содействии в вопросах государственного строительства. Считая себя современным государством, способным конкурировать с высокоразвитыми европейскими государствами благодаря своей географии и истории, Россия отрицает в своей внешней политике «восточное направление». Стараясь убедить Запад в существовании общих европейских ценностей, Россия, между тем, весьма активна в сотрудничестве с азиатскими странами и арабским миром и позиционирует себя как великая держава в Восточном полушарии. В последние столетия, особенно в последние десять лет, российские интеллектуалы пребывали в поисках философии, которая смогла бы гармонизировать специфику России в деле построения великой европейской державы и сохранение ее права на «интеграционистский» потенциал на Востоке.

Поиски велись вокруг идеи евразийства, которая на сегодняшний день вызывает широкие дискуссии в среде российских политиков и интеллектуалов. Философия евразийства могла бы быть названа мыслительной реакцией России на процессы, происходящие в международной сфере, и геополитические изменения последнего времени. Новый статус такой огромной страны после утраты ее роли как сверхдержавы и восточноевропейской «буферной зоны», ставшей составной частью европейской сферы безопасности, препятствует появлению единого пояса европеороссийской безопасности, который является мечтой многих российских политиков. Поэтому-то не европейско-российский, а евразийский подход играет главную роль в дипломатии и внешней политике Москвы в данный момент. Эта идея взята на вооружение, с тем чтобы помочь России консолидировать ее традиционный потенциал на границах со странами, имеющими с ней «общее советское прошлое». Евразийство больше препятствует, чем способствует интеграции России с Западом. Оно имеет множество шансов стать идеологической основой для так называемых «реалистов»¹⁰ – группы российских интеллектуалов, разочаровавшихся в какой-либо демократизации России и сомневающихся в превосходстве западных ценностей. Необходимо отметить, что реалисты вместе с либеральными (критическими) реалистами (в понятиях В. Шлапентока) приобретают все большее влияние если не на общественное мнение, то на некоторые интеллектуальные круги в России уж точно.

В своей книге «Мир без России», опубликованной в Москве в 2002 г., российский аналитик О. Арин утверждает, что «Россия стремится обрести статус великой всемирной империи и доказательством этого является ее концепция внешней политики»¹¹. Он отмечает, что низкий уровень экономического развития будет препятствовать всем

попыткам руководства страны сделать Россию великой державой любой ценой. Не соглашаясь со стремлениями политических и военных кругов к господству в международных отношениях, О. Арин предлагает так называемую концепцию «рациональной внешней политики» для России, называя страну «государством с его сферой влияния», что означает скорее Содружество независимых государств (СНГ)¹², чем «великую державу». Другими словами, модель О. Арина – это Россия как региональная держава. Обобщив этот подход, мы можем сказать, что взгляд России на свои внешние и внутренние угрозы сопоставим со взглядами таких «региональных держав», как Турция, Китай или Израиль. Арин принадлежит к той группе российских интеллектуалов, которая настроена критически по отношению к официальной политике государства. Одновременно О. Арин считает, что расширение и участие НАТО в миссиях по поддержанию мира на территории СНГ представляют собой опасность для национальной безопасности России¹³.

После распада Советского союза в 1991 г. Россия как его главный «государство-преемник» должна была определиться со своей «новой старой» внешнеполитической ориентацией. В российском политическом классе (и старые советские элиты, и демократы активно участвовали в доведении советской империи до ее гибели) спрашивали «Что делать?» и задавали другие риторические вопросы. Российские власти занимались вопросами национальной безопасности как приоритетными и касающимися всего населения. Внешний мир ожидал от России новых решений, касающихся будущих отношений с огромной евразийской державой.

Для соседей России в целом очень важно знать, как будет формулировать свои внешнеполитические приоритеты Москва. Анализируя речи и высказывания российских официальных лиц, они стараются представить себе генеральную линию той политики, которая будет реализовываться новыми правительствами постсоветской России, каковы ее основные риски и угрозы, как их понимают российские элиты и национальные аналитики. Школы, описанные выше, привлекаются к формулированию основных приоритетов непосредственно. При этом Россия чувствует себя обязанной представить мировому сообществу свои приоритеты как можно быстрее, оформляя свои отношения с внешним миром в соответствующих рамках. Быстрота, с которой Россия представляет свою доктрину на обсуждение международным интеллектуальным кругам, связана с тем, что она стремится предстать перед миром как страна, осознающая свои приоритеты и готовая к сотрудничеству на всех уровнях, особенно с высокоразвитыми западными странами. Это является также и сигналом для многочисленных элит (во многом советских) в азиатском регионе. Между тем основными адресатами любой российской доктрины по-прежнему являются страны СНГ.

После 1992 г. Россия имела несколько проектов концепции национальной безопасности и внешней политики, один лучше другого. Однако основные приоритеты с небольшими изменениями оставались стабильными.

Не перечисляя всех нюансов этих текстов, мы считаем важным представить их основные моменты, отражающие подходы традиционных школ международных отношений в России. Мы ограничимся лишь двумя из них – стремлением к обретению статуса великой державы и отношениями России с «ближним зарубежьем».

Одна из первых концепций внешней политики – принята в 1992 г. – отражала тот факт, что Россия утратила свой статус сверхдержавы, хотя представляла собой «великую державу с глобальными интересами»¹⁴. В документах, принятых в сле-

дующие годы, Россию продолжала называться великой державой, при этом перво-степенной задачей являлось экономическое возрождение. При В. Путине самооощение страны как великой державы было усилено, что отразилось на нескольких доктринах. Отношения с СНГ, называемым также «ближним зарубежьем», по-прежнему оставались высшим приоритетом в российской внешней политике. Проблемы, связанные с соотечественниками, стали дополнительным фактором, интенсифицирующим отношения России с СНГ, где по-прежнему живут миллионы этнических русских. Таким образом, интеграция или, лучше сказать, реинтеграция двенадцати государств, возникших на развалинах Советского Союза, на основе культурных связей между бывшими советскими республиками остается главным приоритетом во внешнеполитической концепции России.

3. Связанные нуждой и страхом. Окончание «холодной войны» в 1989-1991 гг. стало возможным лишь благодаря прекращению идеологической конфронтации между блоками. Это означало, что степень недоверия между двумя полюсами мира стала меньше, но не оно исчезло окончательно. В обоих лагерях оставалась группа политиков и интеллектуалов – сторонников конфронтации. Прогрессивные силы в Европе и России, которые энергично поддерживали примирение Москвой и западного мира, начали искать возможные способы сотрудничества. Вскоре стало ясно, что существует множество сфер, где тесные связи и реальное сотрудничество были весьма желательны. Окончание «холодной войны» не означало, что человечество стало свободным, а вызовы миру исчезли. Под воздействием глобализации в мировой экономике вызовы стали также «глобальными»: международная преступность и терроризм были справедливо обозначены как новые угрозы Новому мировому порядку.

3.1. Общая стратегия. Несмотря на, возможно, различные иконографические ощущения – реминисценции «холодной войны», некоторые сомнения относительно западных идеалов и институтов; некоторое раздражение внутренней политикой ЕС из-за антироссийских взглядов в прибалтийских странах и, в меньшей степени, в Польше; резкие, но относительно «молчаливые» диспуты, связанные с Балканами, диктатурой в Белоруссии и реформами на Украине; и чувство опасности, проистекающее из различных географических регионов (для европейцев – из средиземноморского бассейна, для россиян – с Кавказа), ЕС и Россия обречены быть соседями и иметь общее видение проблем безопасности: они равно обеспокоены такими опасными явлениями, как распространение оружия массового поражения, терроризм, вызывающий их беспокойство больше остальных, и энергетика как мощный связующий фактор.

Для ЕС и России новое стратегическое положение Европы характеризуется четырьмя структурными недугами: региональными конфликтами, объясняемыми как результат бедности и плохих условий жизни для половины населения земного шара; плохим управлением во многих странах, пораженных хронической коррупцией, властными злоупотреблениями и слабостью институтов; всемирным потеплением, рассматриваемым как одна из первостепенных угроз для европейской территории; в конце концов, зависимостью ЕС от внешних энергетических источников, которая к 2030 г. достигнет 70%. Хорошие отношения с Россией могли бы помочь в решении этих проблем, для чего необходимо признать, что Россия справедлива в своих требованиях, постоянна в своем юморе и разумна в своих ценах. Недавний скандал с Украиной в связи газовыми поставками ясно показал, насколько важно избавить свободное сотрудничество

ЕС и России от таких значительных противоречий. ЕС обязан продолжать поиск альтернативных энергетических носителей, но, даже допуская, что источники чистой энергии создадут море возможностей, и ЕС сможет иметь новые источники нефти и газа, используя в том числе кавказские трубопроводы, работающие «на полную мощность», европейская экономика все равно будет нуждаться во все большем количестве нефти и газа из России.

В этом стратегическом контексте четыре угрозы будут становиться все более общими, оказывая влияние как на ЕС, так и на Россию: мегатерроризм, стремящийся неограниченно использовать насилие и вызывать массовые катаклизмы; распространение оружия массового поражения, понимаемое как «самая большая угроза миру и безопасности наций»; существование таких отсталых государств, как, например, Сомали, Ливия и Афганистан. Эти государства являются отличной почвой для появления всех видов криминальных элементов, порождают тысячи беженцев и формируют наркотоки. Однако главной и наиболее сложной проблемой является то, что эти четыре угрозы легко сопрягаются между собой: согласно СБ ЕС, «если произойдет соединение этих разных элементов – терроризма, достигающего своего максимума, доступности оружия массового поражения и упадка государственных систем, мы столкнемся с реально огромной угрозой».

Чтобы защитить и предостеречь Европу и Россию от столкновения с катастрофическими последствиями этих угроз, их стратегический альянс должен быть скреплен и направлен на достижение трех стратегических целей: 1) активное участие в обеспечении стабильности и хорошего управления у соседей, 2) сотрудничество в деле поддержания международного порядка, основанного на эффективной многополярности, 3) противостояние старым и новым угрозам.

1) Для достижения первой стратегической цели ЕС и Россия должны решить задачу, заключающуюся в создании «кольца» хорошо управляемых государств на востоке ЕС и на западе России. В перечень стабильных государств, находящихся между ЕС и Россией, помимо прочих входят Украина, Молдова, Белоруссия и кавказские государства; на Ближнем Востоке окончательное решение палестино-израильского конфликта является стратегическим приоритетом и для европейцев, и для России; что касается средиземноморских стран, то ЕС склонен налаживать с ними плодотворные экономические и культурные отношения, в том числе в сфере безопасности, в рамках Барселонского процесса (1995 г.). Относительно чеченского конфликта европейцы сейчас настроены менее критически, чем раньше, и война исчезла из наших СМИ и рейтингов общественного мнения.

2) ЕС и Россия должны быть сторонниками международного порядка, основанного на трех столпах: сильное международное сообщество, хорошо функционирующие международные институты и право как основа порядка. Данные векторы касаются их обоих. Будучи серьезным партнером НАТО, Россия не должна отказываться от своей главной роли, наоборот, она может вносить свой реальный и значительный вклад в большинство операций НАТО и влиять на решения, принимаемые в Совете НАТО. Россия и ЕС должны стремиться усиливать и обустроить ООН, с тем чтобы эта организация могла выполнять свои задачи во всей полноте. Они должны работать совместно, чтобы открыть двери ВТО для новых стран и, решая новые проблемы, содействовать появлению таких новых институтов, как Международный уголовный суд. Более того, политика, направленная на прогресс и тор-

говлю, могла бы стать эффективным инструментом поддержания стабильности, в том числе в ходе реализации концепции «приоритетных обязательств», что могло бы служить преодолению любого надвигающегося кризиса еще до того, как будет достигнута точка невозврата и ситуация обрушится в прямое насилие. В своей сфере влияния России имеет крайне важные обязательства, касающиеся поддержания стабильности. В возможном конфликте с Ираном Россия не может не сыграть ключевую роль.

Порядок и стабильность на огромной территории Евразии могут быть обеспечены лишь в том случае, если Россия и Европа совместно займутся ответами на вызовы безопасности в данном регионе.

3) В конце концов, ЕС и Россия имеют общие основания для предотвращения угрозы своей безопасности. Из своего недавнего опыта, связанного с борьбой с терроризмом, распространением ОМП и прямым вмешательством в дела различных регионов во всем мире, ЕС и Россия могут сделать следующие выводы: 1) источник опасности в нынешние времена очень часто находится далеко, поэтому при появлении новых угроз первая линия обороны будет проходить за границей; 2) новые угрозы весьма динамичны: распространение ОМП, терроризм, организованная преступность и т.д. являются той чумой, которая без применения соответствующей вакцины превращается в тяжелые и хронические формы, преодолевающие любые границы; 3) в этом смысле любой новый вызов безопасности не является чисто военным, и каждый из них – терроризм, распространение ОМП и распад государств – требует использования комбинации различных инструментов. Для ответа на все эти вызовы необходимо межгосударственное сотрудничество.

3.2. Распространение ОМП. Среди угроз, названных выше, распространение ОМП имеет предельную важность. Европейцы и американцы боятся, что устаревающие технологии России, – как это показала прежде всего катастрофа в Чернобыле, а затем и драматические события с подлодкой «Курск», станут новым вызовом их безопасности. Мультиплицирующим фактором этой угрозы являются такие обширные террористические сети, как Аль-Каида, стремящиеся к обладанию ядерным, биологическим и химическим оружием. При этом обедневшее российское государство имеет большой соблазн продавать свои ядерные ноу-хау, чтобы извлечь из этого экономическую выгоду: примером в данном случае служит Иран.

Основываясь на этих соображениях – тем более что администрация Буша, приняв их к сведению, постаралась включить «превентивную войну» в свою стратегию безопасности, заклеить страны, стремящиеся к обладанию ОМП, как «изгоев» и начала строительство «противоракетного щита» для предотвращения атак подобного рода на американскую территорию, – европейцы и русские не должны закрывать глаза на реальность: распространение ОМП является наибольшей проблемой в международных отношениях в послевоенную эпоху, если не самым большим дестабилизирующим фактором этих отношений.

12 июня 2001 г. франко-германский Совет по безопасности и обороне принял декларацию, в которой прямо утверждалось: «...риск, связанный с распространением ОМП, требует усиления многосторонних инструментов нераспространения... Европейский Союз должен проявить инициативу в этом направлении, основанную на универсальном кодексе поведения, предписанном режимом контроля за ракетными технологиями, ... эта

инициатива должна включать в себя созыв в надлежащее время международной конференции»¹⁵.

Этот документ, опубликованный за три месяца до 11 сентября 2001 г., мог бы рассматриваться как один из отправных пунктов, позволивших сформулировать два года спустя СБ ЕС и показать, что споры между европейцами и американцами абсолютно не касались их итогового решения, а были связаны лишь с выбором наилучшей политики и инструментов для ответа на общую угрозу.

С одной стороны, американцы, находясь на пике своего военного могущества, склонны отвечать на распространение ОМП известной комбинацией мер, размахивая «мечом». Значительная часть американской «интеллигенции», неоконсерваторы, призывают увеличить военные расходы до 4% ВВП, т.е. до более 400 млрд. долларов, исповедуя при этом стратегию, центральным моментом которой является «основополагающая силовая концепция»: Соединенные Штаты должны быть готовы участвовать в двух «больших региональных конфликтах» (двойной БРК) одновременно на расстоянии тысячи километров друг от друга с использованием самых новейших технологий. В целом же общие военные усилия по развитию технологий и транспорта должны обеспечить «революцию в военных делах».

С другой стороны, европейцы не имеют ничего против хорошего глобального управления в рамках ООН совместно с другими – региональными – организациями; многосторонних мер, направленных на решение общих проблем; дипломатии вместо силы; конвенционального режима инспекций и санкций для наказания тех акторов, которые нарушают международное право.

В то время как европейцы поддерживают «юрисдификацию» международных отношений, но не как результат их слабости, о чем несправедливо говорят неоконсерваторы, а как результат понимания того, что «универсализация» международного права является лучшей гарантией в XXI в., американцы непреклонно предпочитают «деюрисдификацию» международных отношений, рассматривая международные организации лишь как «форум для сплетен», где народы «говорят без остановки», понимая международное право лишь как серию практик, являющихся «сырьем для строительства и моделирования в соответствии со своими политическими предпочтениями»¹⁶, видя в международном праве, в конце концов, лишь препятствие для глобального превосходства Америки. Короче говоря, Гулливер не хочет быть связанным лилипутами.

Как результат этих подходов были разработаны два документа: «Базовые принципы стратегии против распространения оружия массового поражения» и «План действий для применения базовых принципов стратегии против распространения оружия массового поражения».

Документ, озаглавленный «Базовые принципы стратегии против распространения оружия массового поражения», говорит об особом характере этого оружия, его возможностях, связанных с дестабилизацией международных отношений, и «неконтролируемых последствиях», которые могут иметь место в случае захвата его террористами. Сталкиваясь с вызовом своей безопасности, ЕС понимает, что «первая линия обороны» состоит из превентивных мер политического и дипломатического характера – многосторонних договоров и режима контроля над экспортом, включая эффективную работу компетентных международных организаций. В том случае, если принятие первого набора мягких мер будет провалено, «Совет безопасности ООН должен будет сыграть главную роль»: при уважении к международному

праву любые совместные действия – санкции, перехват транспортных средств и, если потребуется, использование силы – должны реализовываться в соответствии с Уставом ООН, глава VII, избегая при этом односторонних действий со стороны отдельного государства или группы стран.

ЕС осознает, что распространение ОМП – явление всемирного масштаба, отсюда сотрудничество с Соединенными Штатами и Россией только приветствуется.

19 июня 2003 г. Совет Европы, проводимый в Фессалониках, одобрил «Декларацию о нераспространении оружия массового поражения», в которой говорилось: «В соответствии с уже установленными базовыми принципами мы до конца года обязуемся завершить разработку соответствующей стратегии ЕС для предотвращения угрозы распространения ОМП, а также продолжить развивать и дополнять План действий ЕС в качестве приоритетного направления»¹⁷.

Несмотря на то что, как отмечает Совет Европы, стратегия, направленная против распространения ОМП, «является главным элементом в стратегии безопасности», имеющей более общий характер и равно одобренной в ходе того же саммита, ее разработка стала первым шагом, сделанным в соответствующих условиях по дипломатическим каналам.

Что касается соответствующих условий, то даже до 11 сентября 2001 г. некоторые страны ЕС и особенно «большая тройка» в своей шкале безопасности придавали рискам, связанным с распространением ОМП, приоритет, поскольку бывшие советские арсеналы находились в плачевном состоянии, а страны в горячих точках планеты, имеющие сомнительные намерения, испытывали растущий интерес к подобному роду вооружений, в том числе для возобновления атак со стороны мессианских сект и международного терроризма.

После 11 сентября 2001 г. страх перед возможным обретением мегатеррористами ядерного оружия подстегнул усилия международного сообщества и ЕС как активного члена этого сообщества, отчаянно пытавшегося сделать инструменты своей политики более эффективными.

В дипломатическом плане в начале 2003 г. Вашингтон усилил свой прессинг на Багдад – теоретически, чтобы противодействовать маневрам иракского режима, направленным на обладание ОМП, искусственно связав режим с террористическими структурами, в результате чего американские СМИ постарались сделать населению прививку, с тем чтобы получить его «добро» на незаконные действия. Они также заставили европейские страны обозначить свою согласительную позицию по данному вопросу, что в свою очередь послужило и внутренней консолидации ЕС, так как его голос в столь сложном и деликатном деле был услышан.

Принятие Советом Европы стратегии, направленной против распространения ОМП, является шагом вперед, поскольку обеспечивает унификацию европейского голоса, когда речь заходит о столь сложных и опасных угрозах; содействует возникновению многосторонней и скоординированной реакции, поддерживая первенство Совета Безопасности, когда он принимает принудительные меры; порождает чувство ответственности у ЕС, который должен бдительно наблюдать за процессами распространения ОМП, поскольку оно может объявиться в средиземноморском бассейне, и одновременно получает благорасположенность со стороны Соединенных Штатов, желающих обрести в ЕС адекватного и конструктивного партнера, способного противостоять угрозам распространения ОМП.

Похожие документы ратифицирует и Россия. Хорошо известный российский аналитик Юрий Федоров пишет, что «наиболее важные директивы – Концепция национальной безопасности и Военная доктрина, одобренная В.Путиным в 2003 году, – устанавливают общие рамки ядерной политики России». Ученый подчеркивает, что эти документы «не разделяют вопросы, относящиеся к стратегическим и субстратегическим силам (за одним исключением), и говорят о ядерном оружии в целом»¹⁸.

Как в государствах ЕС, так и в России распространение ОМП рассматривается как одна из наиболее серьезных угроз. Являясь ядерной державой, Россия стремится к запрещению любого вида распространения ОМП среди государств и негосударственных акторов. Политические и научные круги постоянно говорят о важности строгого контроля над ядерными базами в России и предотвращении террористических атак с использованием ядерного оружия. Российский истеблишмент понимает опасность распространения ОМП в контексте борьбы с международным терроризмом.

4. Заключение. ЕС и Россия могут быть названы партнерами по необходимости. Они являются географическими близнецами; взаимозависимы экономически и совместимы стратегически. Оба образования озабочены процессами выживания, центральным моментом которых является превращение из региональной державы в державу мировую. Для ЕС очень важно использовать потенциал своего широкого сотрудничества с Россией как преемником бывшей царской и советской империи.

Имея богатую историю противостояния и одновременно мирного сотрудничества, Москва и Брюссель чувствуют себя обязанными извлекать пользу из нового уровня многосторонних отношений. Для России это прежде всего связано с экономическим развитием, территориальным единством и политической централизацией. Для Европы – это путь из небытия в реальность, от политического противостояния к политическому единству и от зависимости от США к независимости в кооперации и диалоге. К сожалению, решение общих проблем (альтернативные пути получения энергоносителей с Кавказа и из Центральной Азии, расширение НАТО в направлении бывших советских республик Украины, Грузии, Азербайджана и т.д.) видится политическим элитам ЕС и России по-разному.

Без сомнения, Россия и Европа имеют общий стратегический ландшафт. У них общие возможности и враги. Они мечтают о многополярном мире, сильном Совете Безопасности, позволяющем уравновесить американскую мощь, о мире без террористических организаций, мирном Ближнем Востоке и недопущении распространения ОМП. Они, в частности, должны стремиться к стабильности в Восточной Европе. При этом Россия и Европа не так часто садятся за стол переговоров. Они слишком самодостаточны.

ЕС не должен действовать в изоляции. Угрозы, с которыми сталкиваются европейцы, те же, что и для их ближайших партнеров. ЕС должен достигать поставленных целей в деле обеспечения собственной безопасности, действуя совместно как с международными организациями, так и с ключевыми акторами. В этом смысле «трансатлантическое сотрудничество незыблемо», однако любой вид отношений ЕС «будет эксклюзивным», поскольку ЕС будет стремиться к стратегическому партнерству с Россией, Японией, Китаем, Канадой и Индией.

Успехи на пути демократизации, развитие гражданского общества и полномасштабный переход в России к рыночной экономике смогут сделать диалог ЕС и России

более активным. Возмужалая российская демократия, критически воспринимающая сегодня ЕС, будет способна преодолеть имперское и частично ретроспективное мышление россиян в отношении Европы как некоей целостности и особенно в отношении новых членов ЕС, Польши и прибалтийских государств, что поможет поднять сотрудничество с Брюсселем на более высокий уровень.

Россия по-прежнему воспринимает Европу как некое пристанище для независимых государств. В какой-то степени это правильно и логично: она предпочитает иметь двусторонние отношения со странами, чем поддерживать двусторонний диалог с ЕС в целом. С другой стороны, европейские страны чувствуют себя более уютно в диалоге с Россией, когда используют институты ЕС, в частности, по таким вопросам, как энергетика, права человека и, конечно же, торговля и безопасность. Очевидно, пройдет немало времени, прежде чем Россия согласится иметь дело с ЕС как единым актором. У европейцев есть шанс ускорить сотрудничество с Россией, «налаживая мосты» со всеми ее социальными группами, делая упор на политические и экономические элиты, представителей армии, неправительственные организации, гражданское общество, а также молодежь и студенчество.

В последние десять лет недостаточная помощь европейцев демократическим институтам России и концентрация на важных для них проблемах энергетических поставок из России было позицией в отношении Москвы неправильной. Только через глубокую демократизацию, затрагивающую все сферы общественной жизни и государственных структур, Россия имеет шанс стать для Европы подлинным и надежным партнером, создавая с ней «альянс для будущего» на основе общих ценностей.

Европейцы беспокоятся о своем будущем. Россия, как представляется, обеспокоена своим прошлым. Они должны обрести общую повестку дня. Настало время ее написать.

Перевод с англ. Ю.В. Василенко

¹ Everts S., Keohane D. The European Convention and EU Foreign Policy: Learning from Failure, Survival. Autumn, 2003, Vol. 45, n° 3. P. 167-186, 175.

² Solana Madariaga J. Joint meeting of the Committees on Foreign Affairs and Defence Policy of the EU national parliaments. Brussels, 2003. 10 Sept.

³ Remacle E. L'Intégration de la politique de défense européenne, potentiel et limites, en la obra La Grande Europe / Institut d'Études Européennes. 2003. P. 321-331, 330.

⁴ Sorroza Blanco A. La Política de Seguridad y Defensa en la Futura Constitución Europea: Análisis del Real Instituto Elcano. URL: www.realinstitutoelcano.org/análisis (дата обращения: 24/06/2003).

⁵ Согрин В.В. Три превращения современной России (1985-2005) // Отеч. история. 2005. №3. С. 8.

⁶ Utkin A. Russia and the West: The day After. Geneva, 1995. №3. P. 15.

⁷ Tsygankov A.P. Vladimir Putin's Vision of Russia as a Normal Great Power // Post-Soviet Affairs, 2005. №21/2. P. 135.

⁸ Tsygankov A.P. Op.cit. P. 136-138.

⁹ Создание Шанхайской «пятерки» усилило пророссийскую ориентацию в ведущих странах Средней Азии – Казахстане и Узбекистане, которые возглавляются харизматическими лидерами Н. Назарбаевым и И. Каримовым.

¹⁰ Понятие «реалисты» введено российским интеллектуалом В. Шлапентоком, который анализировал развитие России во время правления В. Путина и сравнивал различные течения в современных российских масс-медиа, интеллектуальных кругах и ведущих российских колумнистов. (Shlapentokh V. Two Simplified Pictures of Putin's Russia, Both Wrong // World Policy Journal. 2005. P. 61-72).

¹¹ Арин О. Мир без России. Прогнозы, перспективы, предсказания. М., 2002. С. 431.

¹² Ibid. P. 444.

¹³ Ibid. P. 450.

¹⁴ Sergounin A. Russia: a long way to the national security doctrine (Working paper). Copenhagen, 1998. P. 7.

¹⁵ Franco-German Defence and Security Council Fribourg. 12 June 2001. §7.

¹⁶ Pérez-Prat L. Poder y Derecho Internacional // El Nuevo Orden Americano. ¿La Muerte del Derecho? / Coordinado por R. Soriano y J.J. Mora. Madrid, 2005. P. 159-183, 169.

¹⁷ European Council Thessalonica, 19-20 June 2003, Anexo II «Declaration on non-proliferation of weapons of mass destruction». §3.

¹⁸ URL: <http://www.ciaonet.org.proxy.www.merln-europe.org/wps/fe02/fe02.html> (дата обращения: 24.2.2006).